

давшей, но не потерявшей своей изумляющей мощи статье «Иисус Христос как тип душевнобольного» («Клинический архив гениальности и одаренности»). Ее автор, доктор Я.В. Минц, квалифицирует все речи Христа, вышедшего «из мелкобуржуазной среды ремесленников» (плотников), как проявление религиозного бреда, отягощенного к тому же галлюцинациями: «Интересно, что голод (сорокадневное пощение в пустыне. – И.В.) вызвал галлюцинацию о хлебе, что очень рельефно выдает ее происхождение». Первое дьяволово искушение есть, таким образом, не более чем прискорбный результат функционального расстройства. Неудивительно, что «историю болезни» венчает глубокий ученый диагноз: «Конституция Иисуса соответствует типу душевнобольного-параноика; худой, бледный, слабый, лишенный полового чувства и инстинкта размножения».)

Для Достоевского Христос – образец красоты, мужества, совершенства. Воскрешение Им Лазаря – залог бессмертия души.

Фреска, которую видел юный Достоевский, как сказано, помещалась в церкви Сошествия Святого Духа. Однако – что явствует из обнаруженных нами источников – так она стала называться только с 1840 г. Во времена, когда ее посещало семейство Достоевских, церковь имела другое название – Лазарева Воскресения (или праведника Лазаря), что на кладбище (ЦИАМ. Ф. 2126. Оп. I. Ед. хр. 303). То есть не только фреска, но и само имя церкви сопряжено с ключевой сценой «Преступления и наказания». Сценой, переделанной автором по требованию М.Н. Каткова (усмотревшего в тексте «следы нигилизма») и все равно не устроившей – правда, по совсем иным соображениям – пристрастнейшего из эстетиков, В.В. Набокова.⁴ Раскольников спрашивает:

« – Где тут про Лазаря? <...> Про воскресение Лазаря где? Отыщи мне, Соня. <...> Найди и прочти мне <...> Читай! Я так хочу! – настаивал он <...> Соня развернула книгу и отыскала место. Руки ее дрожали, голосу не хватало. Два раза начинала она, и все не выговаривалось первого слога.

«Был же болен некто Лазарь, из Вифании...» – произнесла она, наконец, с усилием, но вдруг, с третьего слова, голос зазвенел и порвался, как слишком натянутая струна. Дух пересекло и в груди стеснилось».

Нельзя не согласиться с тем, что «о воскрешении Лазаря Достоевский узнал, еще не умея читать».

В архивных документах можно найти подробности, относящиеся к истории храма. Церковь была построена в 1767 г. «тщанием и иждивением Покойной Титулярной Советницы Долговой» (церковный староста 1837 г., когда скончалась Мария Федоровна, – штабс-капитан Николай Долгов – очевидно, родственник храмостроительницы). Здание каменное, с двумя колокольнями (так оно выглядит и сегодня). В церковных документах зафиксировано наличие трех престолов: во имя Сошествия Святого Духа, во имя Евангелиста Луки и – «в холодном приделе с левой стороны во имя Лазарева Воскресения». Таким образом, сначала церковь именовалась по одному из имеющихся в ней престолов, а с 1840 г. – по другому. «Земли при сей церкви усадебной и кладбищенской находится 21 десятина <...> священно и церковно служители пользуются с сей земли сенокосом». Кроме того, на свое содержание причт получает «из Московского опекунского Совета по билетам, хранящимся в церковной ризнице и записанным в церковной описи, процент с капитала 11 тысяч 159 рублей и 50 копеек ассигнациями <...> Из суммы же, собираемой за могилы, получается четвертая часть». Ежегодный доход от продажи свечей колеблется в довольно широких пределах – от 120 до 680 рублей (как раз в 1837 г.), а подаяния «в кошельки и кружки» достигает 1000 рублей. Ведомость констатирует, что церковь на Лазаревском кладбище «утварию и содержанием» достаточна.

4. См. подробнее: Волгин И. Пропаший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 г. М., 2000. С. 118–121 (гл. «Катков и Набоков против Достоевского»).